



О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

14 января 2020 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М.Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы ООО «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс»),

у с т а н о в и л :

1. ООО «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») (далее – ООО «Мечел-Кокс») оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

пункта 3 части второй статьи 38, предусматривающей, что следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с данным Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа;

части одиннадцатой статьи 182, устанавливающей, что при производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи; при производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск.

Постановлением Центрального районного суда города Челябинска от 26 июля 2018 года, оставленным без изменения апелляционным постановлением Челябинского областного суда от 17 сентября 2018 года, было отказано в удовлетворении поданных в интересах ООО «Мечел-Кокс» жалоб о признании незаконными и необоснованными решений и действий (бездействия) должностных лиц органа предварительного расследования (по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 251 «Загрязнение атмосферы» УК Российской Федерации), в том числе действий, связанных с производством обысков в помещениях и на территории ООО «Мечел-Кокс», выразившихся в недопуске адвоката и препятствовании его участию в производстве указанных следственных действий. Принимая такие решения, суды исходили из того, что действия должностных лиц органа предварительного расследования, не допустивших адвоката, прибывшего после начала обыска к месту его проведения, не противоречат нормам уголовно-процессуального законодательства, в том числе с учетом того, что у следователя имелись основания полагать, что адвокат может препятствовать проведению обыска.

В передаче кассационных жалоб (поданных в интересах заявителя) для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции также было отказано постановлениями судьи Челябинского областного суда от 8 февраля 2019 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 17 мая 2019 года. В названных постановлениях было отмечено, что на момент начала производства обысков адвокаты отсутствовали и что ходатайства о допуске к участию указанных лиц в этих следственных действиях перед их началом не поступали.

По мнению заявителя, часть одиннадцатая статьи 182 УПК Российской Федерации, применяемая во взаимосвязи с пунктом 3 части второй статьи 38 того же Кодекса, в той мере, в какой они лишают организацию и ее представителей права воспользоваться помощью адвоката при производстве обыска в принадлежащих ей помещениях, противоречат статьям 15 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 45 (часть 2), 48 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. Право на получение квалифицированной юридической помощи в числе других прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства и которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием, – признается и гарантируется в России в соответствии с Конституцией Российской Федерации и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статьи 2, 17, 18 и 48 Конституции Российской Федерации). Государство, призванное гарантировать данное право, в силу статей 45 (часть 1) и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязано создавать и надлежащие условия гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, включая адвокатов, – для эффективного осуществления их деятельности. Право пользоваться помощью адвоката (защитника) признается в качестве одного из основных

прав человека и международно-правовыми актами, являющимися в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы России, – Международным пактом о гражданских и политических правах (подпункты «b», «d» пункта 3 статьи 14) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подпункт «с» пункта 3 статьи 6) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 года № 20-П и от 17 декабря 2015 года № 33-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 года № 128-О, от 8 ноября 2005 года № 439-О, от 29 мая 2007 года № 516-О-О, от 11 апреля 2019 года № 863-О и др.).

По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в ряде его решений, статья 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации, гарантирующая право пользоваться помощью адвоката (защитника) лишь лицам, задержанным, заключенным под стражу, обвиняемым в совершении преступления, во взаимосвязи с конституционными положениями о праве на получение квалифицированной юридической помощи выражают общие принципы права и в полной мере относятся не только к публичной ответственности (постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 17 ноября 2016 года № 25-П и др.), но и к правоограничениям, обусловленным производством по уголовному делу, в связи с чем лица, чьи права затрагиваются (ограничиваются) следственными действиями и процессуальными решениями, не могут быть ограничены в праве на оказание им юридической помощи адвокатом.

Из Конституции Российской Федерации, ее статей 2, 17 (часть 2), 18, 21 (часть 1) и 45 (часть 2), утверждающих приоритет человека, его прав и свобод и возлагающих на государство обязанность охранять личное достоинство каждого от любых форм унижения со стороны кого бы то ни было, включая само государство, следует, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект

государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными способами и спорить с государством в лице любых его органов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П и др.). Приведенная правовая позиция, будучи универсальной, приобретает особое значение не только применительно к юридической ответственности, к которой по уголовному закону не может быть привлечено юридическое лицо, но и применительно к публичному принуждению или ограничению прав.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, предусматривая возможность производства обыска в помещении юридического лица, в статье 182 устанавливает, что основанием проведения такого следственного действия является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (часть первая); при производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть; при этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества (часть шестая); следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц (часть седьмая); следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска (часть восьмая); при производстве обыска во всяком случае изымаются предметы и документы, изъятые из оборота (часть девятая); изъятые предметы, документы и ценности предъявляются понятым и другим лицам, присутствующим при обыске, и в случае

необходимости упаковываются и опечатываются на месте обыска, что удостоверяется подписями указанных лиц (часть десятая); в протоколе должно быть указано, в каком месте и при каких обстоятельствах были обнаружены предметы, документы или ценности, выданы они добровольно или изъяты принудительно; все изымаемые предметы, документы и ценности должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и по возможности стоимости (часть тринадцатая).

В то же время названный уголовно-процессуальный закон по делам о ряде преступлений запрещает необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе необоснованное изъятие электронных носителей информации (часть четвертая¹ статьи 164 и статья 164¹).

Из приведенных положений следует, что обыск в помещении юридического лица является следственным действием, производство которого сопряжено с возможностью применения значительного принуждения (вскрытие помещений, повреждение имущества, ограничение частной жизни лица, в помещении которого проводится обыск, и других лиц, принудительное изъятие предметов, документов и ценностей), т.е. с ограничением конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, на владение и пользование имуществом, гарантированных статьями 23 (часть 1), 34 (часть 1) и 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем производство этого следственного действия затрагивает интересы как лиц, которые гипотетически могут стать обвиняемыми по уголовному делу, так и учредителей или участников юридического лица, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми. Следовательно,

обеспечение их права на квалифицированную юридическую помощь применительно к взаимоотношениям с государством, связанным (обусловленным) с производством по уголовному делу, выступает важнейшей гарантией защиты прав указанных лиц при проведении обыска в помещении юридического лица.

4. Часть одиннадцатая статьи 182 УПК Российской Федерации в целях защиты прав владельца помещения, в котором производится обыск, устанавливает правило о том, что при производстве данного следственного действия участвует лицо, в помещении которого производится обыск, а также гарантирует право присутствовать при его проведении адвокату того лица, в помещении которого упомянутое следственное действие производится. Такой адвокат, представляющий интересы юридического лица – владельца подвергнутого обыску помещения, не является защитником, поскольку действующее правовое регулирование не предусматривает возможности привлечения к уголовной ответственности юридического лица.

Предусмотренное частью восьмой статьи 182 того же Кодекса положение, согласно которому следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска, не означает, что следователь вправе запретить присутствовать и не допустить к участию в производстве указанного следственного действия после его начала лицо, в помещении которого оно производится, или представляющего интересы такого лица адвоката. Иное расценивалось бы как отступление от требований названной нормы уголовно-процессуального закона, а также свидетельствовало бы о необоснованном ограничении права на квалифицированную юридическую помощь.

Участие адвоката юридического лица в проведении обыска позволяет ему наблюдать за производимыми при обыске действиями, непосредственно осматривать все изымаемые при обыске объекты, делать

заявления о ходе и результатах данного действия, подлежащие обязательному занесению в протокол, замечания о его дополнении и уточнении (части четвертая и шестая статьи 166 УПК Российской Федерации) в целях оказания квалифицированной юридической помощи, осуществляемой для защиты прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию своему доверителю (статья 1 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), что не может расцениваться как препятствование производству следственного действия.

Наряду с этим, закрепленному частью одиннадцатой статьи 182 УПК Российской Федерации праву адвоката лица, в помещении которого производится обыск, присутствовать при его проведении корреспондирует установленная частью первой статьи 11 («Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве») указанного Кодекса обязанность следователя обеспечивать возможность осуществления данного права.

Однако выполнение следователем этой обязанности не предполагает приостановления производства обыска для обеспечения явки адвоката (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 года № 415-О, от 23 апреля 2015 года № 998-О, от 28 сентября 2017 года № 2240-О и др.).

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в приведенных определениях, по смыслу ряда норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (статьи 157, 164, 165, 182 и 183), требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, которые не связаны с дачей лицом показаний и подготавливаются и проводятся без предварительного уведомления лица об их производстве ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств, например, на обыск, проведение которого не приостанавливается для явки

адвоката. Это, впрочем, не исключает участия явившегося адвоката лица, в помещении которого производится обыск, в данном следственном действии для оказания ему квалифицированной юридической помощи.

5. В определениях от 15 июля 2008 года № 502-О-О, от 16 декабря 2010 года № 1659-О-О, от 17 июля 2014 года № 1788-О, от 25 февраля 2016 года № 259-О Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что часть одиннадцатая статьи 182 УПК Российской Федерации не может рассматриваться как позволяющая следователю произвольно отклонить ходатайство лица, в чьем жилище производится обыск, о допуске адвоката (защитника) для участия в таком следственном действии. Сформулированная позиция в равной мере распространяется и на владельца обыскиваемого нежилого помещения, в том числе на юридическое лицо.

Названной нормой в первоначальной редакции, до принятия Федерального закона от 29 мая 2002 года № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», предусматривалось, что с разрешения следователя при обыске могут присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск. При внесении же изменений в 2002 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации федеральный законодатель отказался от этой модели присутствия адвоката при обыске, основанной на дискреционном усмотрении следователя разрешать или не разрешать такое присутствие, в силу его процессуальной самостоятельности, установленной пунктом 3 части второй статьи 38 УПК Российской Федерации.

К тому же предоставленные следователю полномочия реализуются им не произвольно, а по основаниям и по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом.

Так, наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования, принимать процессуальные решения и относя его к

участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, законодатель не освобождает следователя от выполнения при осуществлении уголовного преследования всего комплекса предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в частности его статьями 7, 11, 14 и 16, мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П и от 21 ноября 2017 года № 30-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 года № 63-О-О, от 16 июля 2015 года № 1616-О, от 26 января 2017 года № 4-О и др.) и не предполагает возможности отказа в допуске к участию явившегося на обыск адвоката лица, в помещении которого он производится.

6. Таким образом, положения пункта 3 части второй статьи 38 и части одиннадцатой статьи 182 УПК Российской Федерации – вопреки утверждению заявителя – предоставляют явившемуся защитнику, а также адвокату того лица, в помещении которого производится обыск, право присутствовать при проведении данного следственного действия, а на следователя возлагают обязанность обеспечить возможность осуществления этого права.

Воспрепятствование присутствию адвоката лица, в помещении которого производится обыск, при проведении указанного следственного действия является нарушением уголовно-процессуального закона. Соответственно, суд в случае поступления обращения от юридического лица, признав факт нарушения права владельца помещения на присутствие адвоката при обыске (статья 125, часть пятая статьи 165 УПК Российской Федерации), вправе вынести частное определение (постановление) в адрес органов дознания, предварительного следствия о фактах нарушений закона, требующих принятия необходимых мер (часть четвертая статьи 29 названного Кодекса), а юридическое лицо – воспользоваться

компенсаторными механизмами, предусмотренными законодательством (обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства о возмещении вреда, требовать привлечения должностных лиц к ответственности и др.).

Следовательно, оспариваемые законоположения не могут расцениваться как нарушающие конституционные права и свободы ООО «Мечел-Кокс» в обозначенном им в жалобе аспекте. Проверка же законности и обоснованности выводов, к которым пришли суды в конкретном деле заявителя, к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 (часть четвертая) Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение итогового решения в виде постановления, его жалоба не подлежит дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение итогового решения в виде постановления в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

№ 4-О



В.Д.Зорькин